

А.А. Меликовский

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ТЕОРИИ ПРАВА

Выходные данные:

Меликовский А.А. Междисциплинарный подход в теории права // Развитие права в условиях междисциплинарного взаимодействия: коллективная монография / под общ. ред. А.А. Дорской. СПб.: Астерион, 2023. С. 329-343.

ГЛАВА III

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ МЕТОДОВ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ

§ 1. Междисциплинарный подход в теории права

Любая социогуманитарная наука как системная совокупность знаний о человеке, обществе и государстве на определенном этапе своего развития достигает глубокого уровня исследованности и проработанности обширного круга узких, порой исключительно догматических проблем⁸²³, когда перед наукой в лице ее представителей встает вопрос об оценке состояния разработанных знаний с позиций кризисности – осознания недостаточной осведомленности и убежденности в свойствах и качестве исследуемой материи. Действительно ли наступает пора так называемого кризиса науки, когда перед учеными предстают подобного рода вопросы или, скорее, наоборот – этот факт свидетельствует об обратном эффекте и является антиподом – историческим моментом, представляющим собой пик (вершину) развития науки? Ответ на поставленный вопрос далеко не однозначен. Приведённые рассуждения целиком относятся и к юриспруденции. Как оценивать её современное состояние – вопрос дискуссионный. Однако от перестановки слагаемых сумма не меняется⁸²⁴: и в этом случае от названия состояния суть проблемы не изменится, не отпадет и необходимость в постановке такого вопроса, который бы требовал целостного осмысления накопленного опыта. Так или иначе, речь идёт об особом состоянии науки, когда утрачивается понимание объекта, его значения и ценности, а также концептуальной цели его исследования.

Наиболее весомой частью общеправового кризиса является теоретико-правовой кризис, что следует из природы теории права как общей (всеобщей) фундаментальной юридической науки⁸²⁵. Он представляет собой состояние так называемого «перелома», когда в результате рефлексии (са-

⁸²³ Возможно, такие проблемы имеют немалое значение для детализации отраслевого и институционального яруса научной дисциплины, но они представляются мельчайшей степени значимости для совершенствования науки как таковой. Может случиться, что они, даже напротив, приведут к разрушительным последствиям, проявляющимся в вырождающемся упадке науки, когда начинает теряться понимание существа исследуемого явления, поскольку, говоря словами В. С. Нерсисянца, «расширение» и без того «узких мест» сути дела не меняет.

⁸²⁴ Данный тезис относится только к исследуемому вопросу. Думаю, что в остальных подобных перестановках кроется скрытый смысл, как, например, в определении названия науки общетеоретического правоведения – теория права и государства или теория государства и права.

⁸²⁵ Меликовский А. А. Современный теоретико-правовой кризис и проблема междисциплинарности // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 9. – С. 7–10.

морerefлексии) наука (в лице ученых-правоведов) выходит в отправную точку своих мыслей, не находя должных доводов в пользу ее обоснования и получая, по существу, с одной стороны, «герменевтический круг» (Г. Гадемер), с другой стороны, своего рода «замкнутый метафизический круг»⁸²⁶.

В этом смысле невозможно не согласиться с позицией А. Н. Савенкова, который утверждает, что «мы живем в удивительное время – на наших глазах цивилизация погружается в активный поиск новых путей развития, что является следствием кризиса мирового порядка в целом; девальвации институтов государства и права; разрушения традиционных национальных и международно-правовых отношений; подмены правовых ценностей в общественном сознании». Кризис, по его мнению, охватывает не только нормативную, но и социокультурную сторону права, «что делает его преодоление особенно трудной задачей»⁸²⁷. Можно полагать, что социогуманитарный кризис последних десятилетий в нашей стране в некоторой степени обусловлен нашим историческим прошлым. И это действительно так, если учитывать, что в последнее время активно набирают обороты (не только в теоретической литературе, но и на практике) идеи, которые были актуальны в прошлом столетии, но в современности не просто подразумевающие веру в светлое общинное будущее, но именно в детскую (наивную) бессознательную веру в светлость этатистского будущего в ключе развития нашего смутного прошлого. Рассуждения с этих позиций порождают угрозы, главная из которых – угроза тотального идеологического диктата. Видимо, уроки истории, преподнесенные нам событиями XX века, не были в достаточной степени усвоены. Ведь «идеология ошибочности и тупиковости российской истории XX века», которая «будучи по сути своей антиисторичной, – по форме резко, но по сути, как точно утверждал академик В. С. Нерсесянц, – навязывает России и её народу стойкий комплекс исторической неполноценности и отбрасывает страну на периферию социально-исторического развития»⁸²⁸.

⁸²⁶ Ср. с позицией, высказанной выдающимся русским правоведом, впервые применившим феноменологический подход к праву, Н. Н. Алексеевым, который считал, что научное познание нужно вести «снизу», от правовой реальности (то есть правовых фактов). Выступая критиком современного ему рационализма как метода познания, ученый утверждал, что его применение в рамках классических типов правопонимания сводится только к формированию понятия: «Нельзя с уверенностью сказать, – рассуждает мыслитель, – что в современном рационализме, как это было у Гегеля, вся сумма нашего познания представляет собою как бы замкнутый круг... Двигаясь по окружности в любом направлении, проходя последовательно её точки, неизбежно приходишь к исходной точке». См.: Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб, 1998. – С. 53.

⁸²⁷ Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. М.: Проспект, 2020. – С. 6.

⁸²⁸ Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2018. – С. 810.

Между тем общеправовая теория всеми возможными рычагами пытается вывести юриспруденцию из этого кризиса, но сталкивается с множеством преград, уже укоренившихся в профессиональном юридическом сознании. Для наглядности стоит привести пример. В последнее время в законодательной практике можно (было) наблюдать тенденции на введение в позитивное право ряда оценочных категорий относительно так называемого «рамочного» регулирования, что позволяет (позволило бы) отходить от тотального нормативизма. Но как нелюбимо этот курс был воспринят рядом представителей отраслевой юриспруденции. Например, некоторые представители гражданского права, исследуя принцип добросовестности, одно из древнейших начал юриспруденции, утверждают, что такого рода оценочные категории приводят к размышлениям о нравственности, от чего страдает «основанный на определённости правовых предписаний метод гражданско-правового регулирования», а «субъективные гражданские права оказываются необоснованно подвергнуты воздействию всеобщего каучукового нравственного ограничителя»⁸²⁹. Такое понимание права (во всех смыслах этого понятия) откровенно обезображивает его природу. По мысли автора, все, что не содержит чётких предписаний инструктивного характера, – каучуковая материя, которая вызывает дополнительную (а именно интеллектуальную, а не техническую, когда требуется терпение лишь найти норму или сложившуюся практику) нагрузку. Ведь проще все прописать и погрузиться в «грех всеобщего нормативизма», чем законодательно определить общие рамки, оставив место для своеобразного «творческого подхода» в распределении человеческой (гражданской) свободы. Справедливо об этом пишет В. В. Сорокин: «деградировать всегда проще, чем совершенствоваться»⁸³⁰.

Такого рода примеров неприятия отраслевой юриспруденцией предложений теории права можно привести бесчисленное множество. Это фундаментальная проблема, несомненно порождающая кризис во всей юриспруденции, в особенности – в теории права, умозрительные разработки которой напрочь отрицаются юридической практикой, ороговевший прагматизм которой беспределен. Совершенно точно об этом пишет А. Н. Савенков,

⁸²⁹ Микрюков В. А. Принцип добросовестности – новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. – 2013. – № 6. – С. 17-24. Вместе с тем хочется обратить внимание и на некорректную формулировку самого названия статьи: принцип добросовестности далеко не «новый ограничитель», а если не самый древний, то один из самых древнейших. Конечно, сильно огорчает, что небезызвестные представители юридической науки и ведущих российских юридических школ современности позволяют себе такие нелепости, поскольку их труды пользуются большой актуальностью в современной отраслевой юриспруденции.

⁸³⁰ Сорокин В. В. Общее учение о духе права: монография. М.: Проспект, 2021. С. 78.

утверждая, что в современных условиях «утрачены представления о смысле и идее права, которые заменены на правовую казуистику, по своей сути далекую от подлинных критериев научности знания»⁸³¹. Как утверждает Е. В. Тимошина, «приоритет "эффективности", "практической полезности", "успешности" в качестве понятных критериев научного знания провоцирует дискредитацию теоретического правоведения как не удовлетворяющего нуждам "практики" и тем самым избыточной науки»⁸³².

Таким образом, попытки, которые предлагает осуществить теоретическое правоведение для ухода от прежнего этатистского опыта, в большинстве своем оканчиваются неудачами, возникают проблемы с искоренением из сознания «практиков» идеи тотальной урегулированности общественной жизни, с их переходом от механицизма к условному креативизму, что в конечном итоге приводит к дискредитации теоретико-правовой науки со стороны практической юриспруденции.

Несмотря на это, практическая юриспруденция выдвигает к теоретической «требование дисциплинарной "чистоты"», которая может быть достигнута лишь «принудительным разрывом "порочащих" ее связи с другими социально-гуманитарными науками и философией», – продолжает Е. В. Тимошина. По ее мнению, это «создает для теории права опасности самоизоляции и тем самым консервации, несовместимой с основной интенцией науки на рост нового знания, обеспечиваемый в том числе междисциплинарными практиками»⁸³³.

Нельзя сказать, что в прошлом междисциплинарные практики не применялись. Их сфера применения была ограничена, особенно в нашей стране в постреволюционные времена XX века. Современный научный кризис и обусловлен во многом ограниченностью сферы применения междисциплинарного подхода, который является одним из основных и эффективных инструментов преодоления кризисного состояния.

Междисциплинарность в научной литературе определяется как процесс интеграции научных знаний, принадлежащих преимущественно различным отраслям, который сопровождается диффузией (то есть перетека-

⁸³¹ См.: Савенков А. Н. Указ. соч. С. 9. Ученый также рассуждает и о задачах, которые должны ставиться исследователями. С его точки зрения, при проведении научных исследований «важно не просто воспроизведение прежнего опыта, а надлежащая проблемно-критическая реконструкция основных вех истории философии права и ключевых моментов осмысления и анализа фундаментальных проблем государства и права, а также уточнение и прояснение мало изученных с правовой точки зрения и недостаточно освещаемых в традиционных юридических источниках тем и проблем». См.: Там же. С. 10.

⁸³² Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. М., 2013. – С. 1.

⁸³³ Там же.

нием) и объединением различных (существующих в каждой из них) подходов, теорий, методов анализа и результатом которого выступает появление новой, концептуально оформленной области знания⁸³⁴.

Очевидно, что междисциплинарность представляет собой некую парадигму, в первую очередь нацеленную на взаимоинтеграцию и взаимообогащение различных отраслей знания. В связи с этим возникает вопрос – а можно ли предать научный статус метода такому феномену, как междисциплинарность? Ответы на этот вопрос также далеко не однозначны. Естественно, все зависит от того, что понимать под методом.

Например, известный русский мыслитель Н. К. Михайловский под методом понимал «совокупность приемов, с помощью которых находится истина или, что то же самое, удовлетворяется познавательная потребность человека»⁸³⁵. Эта позиция «удовлетворения познавательной потребности человека» лучше всего демонстрирует ценность комплексного изучения объекта познания и непосредственно отсылает к идее междисциплинарных исследований.

Более приземленно рассматривает понятие метода В. С. Нерсисянц, для которого метод вообще – это «путь познания»⁸³⁶, а юридический метод – «это путь, ведущий от объекта к предмету, от первичных (чувственных, эмпирических) знаний о праве и государстве к теоретическому, научно-юридическому (понятийно-правовому) знанию»⁸³⁷. Здесь очевиден прагматический настрой ученого: юристы редко взывают к категории истины, поскольку даже в философии права, по словам В. Н. Жукова, «истина – вещь принципиально релятивная»⁸³⁸. А в условиях постмодернизма истина – «вещь, безусловно, релятивная» она теряет свое существование, поскольку стирается грань между истиной и ложью (Ж. Бодрийяр). Однако её релятивная природа (как и природа справедливости, равенства и многих других категорий), делающая ее недостижимой объективно, не умаляет её наличия – к ней субъективно, но необходимо стремиться, несмотря ни на какие природные ограничения человеческого разума⁸³⁹.

Раскрывая свое видение юридического метода как пути познания, В. С. Нерсисянц уточняет, что это «бесконечный путь углубления и разви-

⁸³⁴ Нехамкин В. А. Междисциплинарность в современном гуманитарном познании: тенденции, итоги и перспективы развития // Социум и власть. – 2019. – № 2. – С. 97.

⁸³⁵ Михайловский Н. К. // Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 4. Философская и социологическая мысль народов СССР XIX в. / Ред. коллегия: В. В. Богатов, Ш. Ф. Мамедов (ред.-составитель второго тома и автор вступит. статьи) и др. М.: Мысль, 1972. – С. 388.

⁸³⁶ Проблемы общей теории права и государства. С. 10.

⁸³⁷ Там же.

⁸³⁸ Жуков В. Н. Философия права: Учебник для вузов. М.: Мир философии, 2019. С. 33.

⁸³⁹ Меликовский А. А. Справедливость в идеальном и реальном измерениях // VOX JURIS. Глас Права. Выпуск 1. – 2021. – С. 301–304.

тия знания о праве и государстве, непрекращающееся движение от уже накопленного знания об этих объектах к его обогащению и развитию, от эмпирического уровня знаний к теоретическому уровню, от достигнутого уровня теории к более высокому уровню, от уже сложившегося понятия права к новому, теоретически более содержательному и богатому понятию»⁸⁴⁰. «Юридический метод, – пишет академик, – как и всякий метод, только потому является путём познания, что он есть юридическое знание (юридическая теория) в движении, в формировании, изменении, углублении и развитии»⁸⁴¹.

Взаимное обогащение предметов различных наук позволяет (может позволить) науке превратиться из системы знаний в систему методов (в широком смысле) познания, описания и прогнозирования мировых политико-правовых явлений как в общем, так и в частности, применительно к отдельным сферам правовой регуляции. Таким образом, наука в узком смысле этого слова превращается в методологию в широком смысле, в систему функциональных связей, алгоритмов и парадигм проведения различных когнитивных практик. Современное теоретическое правоведение должно стремиться именно к такому пониманию теории.

Еще на рубеже XIX–XX столетий Г. Еллинек писал, что уже устаревшие, «ненадёжные методы, или точнее – прежнее отсутствие методов, не совместимы более с требованиями современной научной мысли. Новые же методы ещё только нарождаются»⁸⁴². Эта оценка актуальна и в настоящее время. От методологии зависит конструирование предмета науки. А пока «новые методы только зарождаются», наука будет все больше и глубже погружаться в кризис.

О печальном состоянии современной юридической методологии написано немало. В большинстве своем методологические проблемы – и есть источник теоретико-правового кризиса. По мнению В. Н. Синюкова, «причины кризиса кроются в отсутствии новых методологических концепций, адекватных вызовам времени»⁸⁴³. Он утверждает, что «"старые" теории не в силах предложить адекватные меры разрешения противоречий современного государства и права, кроме традиционного усиления (ослабления) вмешательства государства, коллективизма (индивидуализма) как методологии правового статуса личности»⁸⁴⁴. Более категорично высказывается

⁸⁴⁰ Проблемы общей теории права и государства. С. 11.

⁸⁴¹ Там же.

⁸⁴² Еллинек Г. Общее учение о государстве. 2-е изд. СПб.: Н. К. Мартынов, 1908. – С. 20.

⁸⁴³ Синюков В. Н. Теория правопознания в России: проблемы обновления // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография / Отв. ред. А. В. Корнев. М., 2017. – С. 33.

⁸⁴⁴ Там же.

В. В. Сорокин: «Мы не можем признать, – пишет ученый, – что положение в правовой методологии благополучно, пока в ней преобладают формалистические методы», они приводят к тому, что «наше право все более вырождается в наукообразное законодательство – замкнутое и непонятное обществу»⁸⁴⁵. По нему, методы представляют собой «ключи научного познания, при помощи которых открываются новые знания»⁸⁴⁶.

Другими словами, если под методом понимать инструмент, предназначенный для расширения знания, а также способы постижения, главным образом, реальности, то было бы вполне рационально говорить о междисциплинарности как методологическом подходе, в частности, поскольку здесь очевидно прослеживается неплохой потенциал сочетания всего существующего в целях постижения нового и неизведанного.

Междисциплинарность – это методологический ориентир, способ выведения нового знания, исходя из применения, на первый взгляд, чуждых для науки, в рамках которой проводится исследование, знаний и методов их получения. Ее главная особенность заключается в том, что применение междисциплинарности подразумевает диалогическое (полилогическое) взаимодействие предметов различных отраслей знания. Конечно, можно не считать междисциплинарность, собственно, методом познания, что тоже допустимо, а считать ее целым комплексом методов, применяя которые происходит не только расширение предмета отдельно взятой науки, но и синтез двух и более наук, или относиться к ней как к методологической предпосылке, по аналогии с тем, как, например, О. Хёффе рассматривает плюрализм. Вместе с этим можно говорить о междисциплинарности как о методологическом принципе (как, например, понимал его Д. А. Магеровский), но ни в коем случае не относиться к ней как к принципу научного исследования, как к общему началу для всех научных изысканий, чтобы междисциплинарность не стала несправедливым критерием научности выработанного знания. Узкие догматические вопросы тоже неизбежно подлежат проработке, а они не всегда нуждаются в междисциплинарных практиках. Считать такие исследования ненаучными нет никакого основания, а междисциплинарность возвести в принцип научности – значит исключить собственное методологическое разнообразие теоретического правоведения (как, например, предлагает Р. Познер), допустить логическую и методологическую ошибку, которая снова непременно приведет к скорому кризису.

Таким образом, для возрождения понимания значения, ценности, цели исследования объекта, как и самого объекта, необходим поиск этого по-

⁸⁴⁵ Современные методы исследования в правоведении: монография / Под ред. Н. И. Мазутова, А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 425 // Цит. по: Сорокин В. В. Указ. соч. – С. 78.

⁸⁴⁶ Сорокин В. В. Указ. соч. С. 77.

нимания, безусловно, в непосредственном объекте – в самом праве, но средства и способы этого поиска нужно искать не только в нем, но в том числе и за его пределами⁸⁴⁷.

Данная позиция носит «мягкий» характер, поскольку не исключает собственное методологическое разнообразие теоретического правоведения. В науке высказывались и более категорические позиции, когда теория права (legal theory) как дисциплина исключительно прикладного назначения с выведением из ее содержания философии права и доктринального анализа (правового обоснования, legal reasoning) занимается (должна заниматься) только «практическими юридическими проблемами, но подходит [(должна подходить). – А.М.] к ним извне, используя инструментарий других дисциплин», поскольку «подлинно научную концепцию права могут дать только подходы, позаимствованные из других дисциплин... говоря о "теории права" в целом, следует ограничивать этот термин теориями, пришедшими не из правоведения»⁸⁴⁸. Такая интерпретация теоретического правоведения безосновательно лишает (не просто ограничивает!) юриспруденцию ее собственного методологического инструментария – догматического и сравнительно-правового методов. Чтобы этого не допустить, необходим методологический плюрализм с ограничением всеобщего господства применения того или иного метода как единственно верного пути научного познания.

Однако здесь было бы некорректно не заметить некоторые угрозы, в частности, чтобы научные исследования не носили крайне поверхностный характер, были «обо всем», но по существу – «ни о чем». В обеспечении «безопасности науки» (а также учебной дисциплины) от этой угрозы и есть предназначение плюрализма. Прав был О. Э. Лейст, говоря о том, что «плюрализм ... необходим и хорош в обществе, но не в учебнике, если перечисляют различные точки зрения, не обосновывая ни одной»⁸⁴⁹.

Повсеместному распространению междисциплинарного подхода в научных исследованиях нужно быть признательными постклассической (а точнее – постнеклассической) науке, эпохе постмодернизма. Невозможно не согласиться с профессором Л. А. Микешиной, которая пишет, что с приходом постмодернизма изменяется (или же должна изменяться) суть когнитивных практик, что признается (должна признаваться) «дополнительность, гармонизация, одновременность вместо оппозиции или наряду с ней», «правомерность не одной, но нескольких парадигм (мультипарадигмаль-

⁸⁴⁷ Меликовский А. А. Современный теоретико-правовой кризис и проблема междисциплинарности. С. 9.

⁸⁴⁸ Познер Р. А. Рубежи теории права / Пер. с англ. И. В. Кушнарева; под ред. М. И. Одинцовой. 2-е изд. М.: ВШЭ, 2020. – С. 7–8.

⁸⁴⁹ Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2002. – С. 247.

ность); другие приемы, требующие аналитической работы, не сводящейся к выявлению противоположностей»⁸⁵⁰. На мой взгляд – даже не столько «не сводящейся к выявлению противоположностей», сколько не сводящейся к необоснованному зацикливанию на выявленных малозначительных противоположностях. «Вместе с тем, – продолжает философ, – один из ведущих принципов постмодернизма, выдвинутый ещё Фейерабендом, – *Anything goes!* (Все пойдет!) – экстремален и не может быть принят в столь категоричной форме»⁸⁵¹. По ее мнению, «стремление к диалогу, вслушивание в многоголосие различных подходов к проблеме с целью преодоления ограниченности одной "руководящей" доктрины, не столько критический анализ, сколько необходимый синтез или дополнительность когнитивных практик, принципиальное признание»⁸⁵² есть воплощение методологической продуктивности.

В литературе можно найти совершенно разные названия междисциплинарности, среди которых: трансдисциплинарность, мультидисциплинарность, межотраслевой научный подход, межпредметность, метадисциплинарность, метапредметность и так далее. Представляется, что в данном случае от наименования суть подхода, цель не меняется: она как состояла в расширении знания во взаимосвязях с иными науками, так и состоит в нем, независимо от терминологии, которой придерживается тот или иной автор. Например, В. В. Сорокин пишет о многофакторном подходе, который должен быть основан «на учете и анализе всего комплекса факторов, оказывающих влияние на правовую сферу»⁸⁵³.

Однако здесь необходимо оговорить маленькую, но значительную деталь. Речь идёт о том, что категория междисциплинарности позволяет раскрыть предметную сферу исследований даже в том случае, когда имеются в качестве объекта исследования результаты другого исследования – в этом смысле междисциплинарность проявляется в первую очередь в лице социологического метода анализа вторичных данных, частично известного в социологии права в контексте метода анализа правовых материалов⁸⁵⁴, тем самым уже известные знания об объекте позволяют установить более обширные системные связи внутри самого объекта и в его взаимодействии с другими объектами. В этом смысле нужно констатировать глобальный (глобализирующий) характер междисциплинарности, который во

⁸⁵⁰ Микешина Л. А. *Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие.* М.: Флинта, 2005. – С. 23.

⁸⁵¹ Там же.

⁸⁵² Там же.

⁸⁵³ Сорокин В. В. *Указ. соч.* С. 96.

⁸⁵⁴ Подгурецкий А. *Очерк социологии права.* М.: Прогресс, 1974. – С. 161–181.

многим обусловлен взаимосвязями всех существующих в природе объектов и происходящих в обществе событий, которые в единстве их системных связей образуют сеть исторического и современного общенаучного знания и дискурса.

Таким образом, так или иначе речь идет о рассмотрении целого комплекса проблем, факторов, средств и т. д., которые не всегда лежат в плоскости права, а если и лежат в ней, то могут быть разбросаны по разным ее частям и областям. Это позволяет, с одной стороны, раскрыть междисциплинарность как особого рода комплексный и системный метод⁸⁵⁵, а с другой стороны, относиться к ней как к феномену, сочетающему в себе все иные методы, преимущественно не применяемые, в нашем случае в юридических науках, и выступающему «методом всех методов», имея в виду ее множественный методологический инструментарий⁸⁵⁶.

Следующий важный аспект постановки проблемы междисциплинарного подхода в современной теории права заключается в выведении видов междисциплинарности. Представляется, что междисциплинарность применительно к юриспруденции можно дифференцировать на внутреннюю и внешнюю.

Во внутренней речь идет о междисциплинарных связях всех юридических наук. Никто не станет отрицать связь, например, гражданского права и уголовного права или же уголовного права и уголовно-процессуального права: их междисциплинарные связи – неотъемлемая часть каждодневной работы юристов, в ней наблюдается взаимное дополнение одних юридических наук и отраслей другими в целях обеспечения эффективного функционирования права. Речь идет о межотраслевой (от слова «отрасль», имею в виду отрасль права, которая выступает квинтэссенцией выделения отраслевых юридических наук) внутривидовой междисциплинарности.

Однако, помимо межотраслевой внутривидовой междисциплинарности, целесообразно выделить общетеоретическую междисциплинарность. Как уже отмечалось, междисциплинарность – это категория, непосредственно взаимодействующая и формирующая предметную сторону объекта познания. Следовательно, нужно выделить такого рода междисциплинар-

⁸⁵⁵ Надо сказать, что эти понятия близки, но не тождественны. Системность предполагает упорядоченность взаимосвязанных (взаимодействующих) элементов, а комплексность – их часть, некую группу элементов. Междисциплинарность в свою очередь предполагает исследование не всегда с упорядоченными элементами, взаимосвязь которых возможна только опосредованно, но всегда с группами элементов, принадлежащих различным сферам науки и жизни, из-за чего они порой бывают не просто во взаимно непригодных, но даже и взаимоисключающих отношениях.

⁸⁵⁶ Здесь представляется главным избежать понимания этой категории слишком широко, не свести ее к чрезвычайной крайности – эпистемологическому анархизму (в духе П. Фейерабенда).

ную категорию, которая целостно отвечала бы на вызовы современности и составила единый идейно-политический механизм, выступила бы фундаментом юридической науки, универсальным научным мерилom, независимым от идеологического диктата (не идеологии как таковой!). Такая междисциплинарность прослеживается в общей теории права и государства как суммы трех направлений: философии, догмы и социологии права. Хотя этот вопрос и остается дискуссионным в юридической литературе, так или иначе невозможно отрицать взаимосвязь этих направлений. Представляется, что необходимо признать правоту профессора О. В. Мартышина, который утверждал, что «следовало бы признать органическое единство общетеоретических юридических дисциплин, невозможность установления непроницаемых границ между ними»⁸⁵⁷, что «условности подвижности этих границ объясняются не недоработкой, а органической связью трёх направлений»⁸⁵⁸.

Даже тот факт, что в теоретико-правовом дискурсе поднимаются вопросы взаимосвязи права и государства, связанности государства правом или правовой характеристики государства (взгляд на государство через право), а также «государственническая», то есть этатистическая, характеристика права (взгляд на право через государство) – это уже показатель междисциплинарных зачатков в научных исследованиях политико-правового профиля.

В этом свете право (в особенности нынче, в эпоху доминанты нормативизма, когда право для большинства авторов немислимо без государства) само по себе междисциплинарно, поскольку оно распространяется на всю сферу человеческой жизнедеятельности. «Игнорирование других областей знания в правовых исследованиях, – пишет А. Девлин, – породит непоследовательность, низкую осведомленность и в конечном счете оскуднение права... Только понимание контекста, в котором действуют правовые правила и стандарты, может позволить определить оптимальное устройство права... Таким образом, – заключает юрист, – понимание права на академическом уровне и применение его на практике требует гораздо большего, чем простое владение юридической доктриной»⁸⁵⁹.

Это наводит на мысль, что, помимо внутриправовой междисциплинарности, существует и внешняя междисциплинарность. Здесь междисциплинарность понимается как связь между юриспруденцией (в лице ее наук) и иными отраслями знаний. Сложно представить себе регулирование

⁸⁵⁷ Мартышин О. В. Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект, 2017. – С. 16.

⁸⁵⁸ Там же. С. 15.

⁸⁵⁹ Девлин А. Основные принципы права и экономики / Перевод с английского М. Маркова; под научной редакцией Д. Раскова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – С. 4-5.

информационных отношений, цифровых прав, да и в целом реализацию тенденций цифровизации, обеспечение информационной безопасности и так далее в отрыве от чисто технических, кибернетических, так называемых информационно-телекоммуникационных, ИТ (information technology) знаний. Для должного регулирования необходимо понимание того, как передается информация (здесь необходимы не только технические, но и философские, общесоциальные знания, коммуникативистика и другие отрасли человеческого знания), что представляет собой информация, криптография и т. д. Или, скажем, когда речь идет о регулировании вопросов жизни и смерти в рамках охраны жизни и здоровья граждан: как без обращения к медицине и биологии определить момент начала жизни (один из дискуссионных вопросов в правоведении) и момент ее окончания? Как регулировать вопросы применения репродуктивных технологий без обращения к другим наукам? И так далее. Примеров подобного рода вопросов, в которых явствует неизбежность применения и инстинктивная применимость междисциплинарного подхода, можно привести бесчисленное множество. Во всех случаях ответ один – необходимо обращаться к иным отраслям знания. Но обращаться можно и нужно не столько для того, чтобы урегулировать какую-то иную сферу человеческой свободы, а, в частности, сколько для получения новых методов исследования, для поиска ответов на запросы права в естественных и иных социально-гуманитарных науках и для применения методики *de similibus ad similia* («от подобного к подобному», речь идет об аналогических рассуждениях) в научных исследованиях. Применение междисциплинарного подхода даже в теории права позволяет применять частнонаучные методы других (причем не столько неюридических, сколько в целом негуманитарных) наук. Так, например, В. С. Нерсесян в монографии «Современное право: теория и методология»⁸⁶⁰ активно применяет математические методы для выявления и анализа проблем, связанных с количественным измерением формальной свободы, исследованием негативного, правонарушающего действия эмпирических формально-неравных отношений в праве, формальной математики правового закона и так далее.

Вместе с тем внешняя юридическая междисциплинарность прослеживается и на общетеоретическом уровне. В таком случае нужно исходить из того, что теоретическое правоведение – своего рода представитель всей юриспруденции в научном дискурсе с иными науками. Неслучайно академик В.С. Нерсесян отождествлял предмет общей теории права и государства с предметом всей юриспруденции. Примером такой связи может слу-

⁸⁶⁰ Нерсесян В. С. Современное право: теория и методология: монография / Под ред. В. В. Лапаевой. М.: Норма, 2019. – 304 с.

жить разработка концептуальных основ новых отраслей права, когда юриспруденция лицом к лицу сталкивается с иными отраслями знания.

Тем самым нужно учесть, что «китайской стены» между внутренней правовой междисциплинарностью и внешней нет и быть не может: наука – гармонична, взаимодействие в одной сфере порождает взаимодействие в другой, открытия в одной науке (в ее части) требуют пересмотра накопленных знаний в другой науке (или ее части).

В этом смысле связи юриспруденции с иными отраслями человеческого знания (а равно и внутриюридические связи тоже) очевидны. Красиво пишут о таких связях всех наук С. П. Капица, С. П. Курдюмов и Г. Г. Малинецкий: «В конце нашего века, – провозглашают ученые в конце прошлого столетия, – междисциплинарный синтез стал не игрой ума, а насущной необходимостью. К сожалению, “физики” и “лирики” по отдельности не выдержали экзамена в XX веке. В следующем веке его придется сдавать вместе»⁸⁶¹. Уже наступил этот «следующий век». Но насколько скоро состоится такой «экзамен»? Скорее всего, еще придется подождать. Хотя ряд авторов и считают, что «сегодня междисциплинарность применительно к социально-гуманитарным наукам оказывается нормой жизни, а знание в рамках дисциплины – аномалией»⁸⁶², юриспруденция, особенно фундаментальное правоправедение, на словах все еще с аномальной страстью держится всепоглощающего догматического подхода, а на деле всего лишь воспроизводит марксистско-ленинскую теорию государства и права без соответствующих ссылок на Маркса, Энгельса, Ленина как на «основоположников научной теории о государстве и праве»⁸⁶³.

Кроме того, тесная междисциплинарная связь прослеживается во взаимодействии теории права с иными науками в рамках отдельных типов правопонимания – одной из принципиальных проблем, во-первых, которая выступает первым среди равных факторов, обуславливающих предмет теоретического правоправедения, во-вторых, на базе которой строится конкретная правовая теория. В дальнейшем же работа с политико-правовыми доктринами уже приводит к постановке проблемы плюрализма в структуре предмета теоретического правоправедения. И тут уже «мудрость состоит не в поисках всеобъемлющего определения, – писал профессор О. В. Мартышин, – и не в абсолютизации какой-то одной теории, а в диалектическом сочетании испытанных временем классических типов понимания права, позволяющих

⁸⁶¹ Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997. – С. 11–12.

⁸⁶² Касавин И. Т. Интеграционность и междисциплинарность в социогуманитарном пространстве // Труд и социальные отношения. 2008. № 5. – С. 20.

⁸⁶³ См., например, Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1987. – С. 12-18.

дать разностороннюю характеристику сферы права или правовой реальности»⁸⁶⁴, которая в свою очередь, по словам О. Э. Лейста, «сама может стать предпосылкой и причиной различных идейно-политических доктрин»⁸⁶⁵.

Однако во всеобщем плюрализме тоже наблюдаются угрозы, не только в ключе рассуждений П. Фейерабенда, по которому плюрализм соединяется с несоизмеримостью теорий и порождает своеобразный научный анархизм, но и в плане их развития – речь идет об угрозе их самостоятельного и независимого существования, поскольку нет уверенности в том, что «разностороннее представление»⁸⁶⁶ об объекте науки, пишет В. В. Лапаева со ссылкой на О. В. Мартышина, «будет у нас именно о праве, а не о чем-то ином (может быть, прямо ему противоположном)»⁸⁶⁷.

Однако опасность впасть в крайности возможна при любом раскладе событий. Даже самая безобидная идея в ее извращенно-радикальной форме может стать губительным оружием в руках человека. Это не означает, что поиск путей выведения и получения новых знаний, а равно и сами знания, должны находиться в состоянии консервации, что любые идеи, нацеленные на совершенствование науки и преодоление многовековых препятствий (в том числе антиномичных) внутренне гармонического бытия науки, должны безосновательно отвергаться. Теоретическому правоведению, как и всей юриспруденции, необходим поиск путей единства в многообразии, который не должен проходить под «модными» лозунгами, связывающими, как пишет Е. А. Фролова, «имя автора с экстравагантными терминами и неординарными конструкциями», без всякой надобности умножающими «уже известные сущности»⁸⁶⁸.

Применение междисциплинарного подхода в науке приводит к тому, что образуются новые, концептуально оформленные знания «на стыке различных наук», что ведет их к получению научного статуса. С одной стороны, в таком случае наблюдаются тенденции дробления наук, а с другой – их взаимопроникновение. Юриспруденция в этом смысле тоже не стоит в сто-

⁸⁶⁴ Мартышин О. В. Указ. соч. С. 265.

⁸⁶⁵ Лейст О. Э. Указ. соч. С. 13.

⁸⁶⁶ В первой редакции текста, который О. В. Мартышин опубликовал в статье «Совместимы ли основные типы понимания права?» (Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 13–21), он пишет, что нужно не «искать универсальное определение права, а сочетать разные понятия и определения, имея в виду, что каждое из них в отдельности неполно и относительно [добавим, что еще и в ряде случаев крайне противоположно и несовместимо – А. М.], и лишь их совокупность дает разностороннее представление о праве» (Там же. С. 14).

⁸⁶⁷ Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: РАП, 2012. – С. 19.

⁸⁶⁸ Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария: монография / Под общ. ред. Е. А. Фроловой. М.: Проспект, 2020. – С. 5.

роне. «Вновь появляющееся межотраслевое знание, – констатирует профессор В. Н. Жуков, комментируя общую тенденцию дифференциации и интеграции юридического научного знания, – оказывается той соединительной тканью, благодаря которой картина мира возвращает себе былое единство», поскольку «политико-правовое бытие ... едино, хотя и отличается крайней сложностью, антиномичностью, противоречивостью»⁸⁶⁹.

Как писал известный отечественный правовед Н. М. Коркунов, «человеческое знание – это книга с разрозненными страницами. Здесь, на одной странице мы прочли все, на ней написанное, знаем все до последней буквы, но рядом с ней нет ни предшествующей, ни следующей за ней страницы, и прочитанное нами, оставаясь без начала и конца, только дразнит нас, как неразрешимая загадка»⁸⁷⁰. По существу, он поставил проблему понимания знания, а для этого (для постижения смысла знания) необходимо видеть системные и междисциплинарные связи между его различными фрагментами, разбросанными по разным наукам или их частям, чувствовать взаимную обусловленность одних знаний другими, применять их непосредственно в жизни. В этом смысле междисциплинарный подход для теории права, особенно в XXI веке, выполняет (может и должен выполнять) исторически значимую роль, он предоставляет ей возможность⁸⁷¹, возможность развиваться, самосовершенствоваться, вырабатывать новые знания, а любая возможность – это и есть необходимое условие для развития науки.

§ 2. Использование общенаучного метода конкретизации в юридических исследованиях и правовом регулировании

Прежде чем рассматривать использование конкретизации в юридических исследованиях и правовом регулировании, представляется необходимым еще раз обратиться к общенаучному (междисциплинарному) пониманию понятия и сущности метода конкретизации.

Такие парные методы научного познания, как абстрагирование и конкретизация, находят широкое применение в теоретических исследованиях. С одной стороны, данные средства познания находятся в тесной связи с другими «инструментами» – анализом и синтезом. С другой, выполняют свою, самостоятельную роль.

Как и конкретизация, абстрагирование является общенаучным методом научного познания. Абстрагирование есть мысленное отвлечение, рас-

⁸⁶⁹ Жуков В. Н. Указ. соч. С. 124.

⁸⁷⁰ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: Юрайт, 2019. –С. 9.

⁸⁷¹ «Возможность – это объективная тенденция возникновения и развития предмета», – писал известный российский теоретик права Н. И. Матузов. См.: Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. С. 14.